Оглавление

Том I

Введение **4**

Глава 1. Источники исторических исследований и их эволюция **77**

1.1. Архивные фонды 77

1.2. Документальные источники 131

1.3. Источники личного происхождения 144

1.4. Эмигрантская литература 178

Глава 2. Библиометрический метод: когнитивные возможности познания историографического материала **206**

2.1. О библиометрии 206

2.2. Отраслевой и квалификационный состав диссертаций. Динамика диссертационных исследований 216

2.3. Центры изучения российского зарубежья. Научные школы 236

2.4. Основные исследовательские тенденции 282

Глава 3. Основные направления исследований и степень их изученности .. **308**

3.1. Причины эмиграции из России: от дореволюционных времен до наших дней 309

3.2. Регионы исхода 350

3.3. Этнические и этносословные группы 372

3.4. Проблемы адаптации эмигрантов 385

3.5. Российское православное зарубежье 395

3.6. Образование, издательское и музейное дело эмигрантов 405

3.7. Деятели российского зарубежья 425

Заключение 461

Том II

Список источников и литературы 3

Приложение 1. История изучения российской эмиграции в диссертационных исследованиях 1980–2016 гг. (статистические таблицы). 378

Введение

Актуальность темы исследования. Изучение российского зарубежья остается одной из актуальных научных задач на протяжении постсоветского периода отечественной истории. Причин этому несколько. Первая причина имеет социально-политический характер и связана с распадом СССР и, как следствие, появлением феномена «нового зарубежья», насчитывающего, по примерным подсчетам, 25 млн чел. – бывших соотечественников. В этих условиях стало актуальным изучение опыта адаптации различных слоев российской эмиграции разных волн и исторических периодов к условиям жизни на чужбине. Вторая причина имеет когнитивный характер и состоит в необходимости изучения большого творческого наследия эмигрантов, которое имеет исключительное значение для духовного, культурного и социально-экономического возрождения России в условиях становления новой государственности и выбора вариантов общественного развития. Третья причина основана на необходимости нового осмысления многих аспектов отечественной истории в контексте введения в научный оборот новых исторических источников, позволяющих достичь более взвешенной и объективной оценки прошлого нашей страны, выявить глубинные исторические и культурные связи, объединяющие Россию и российское зарубежье.

Выбор темы диссертации определен обозначенными аспектами актуальности проблемы. История российской эмиграции представляется многомерной научной проблемой, изучением которой активно занимаются представители различных гуманитарных и общественных наук. В настоящее время представляется крайне важно обобщить накопленный учеными опыт в специальном историографическом исследовании. Любой исследователь начинает путь в науке с подготовки квалификационных работ, а именно – с кандидатских и докторских диссертаций. Именно в этих текстах формируется базовая проблематика исследований, выявляются и вводятся в научный оборот новые исторические источники, апробируются новые методы исследования, формулируются важные теоретические обобщения и заклады-

ваются основы научных школ. Вместе с тем в отечественной историографии никогда прежде не уделялось пристального внимания изучению именно диссертаций как особого вида исторического и историографического нарратива. Мы в своей диссертации дерзнули обозначить принципиальное новое направление в историографии – изучение диссертаций по определенной проблематике. Причем в поле нашего внимания были включены не только диссертации и авторефераты диссертаций, но и статьи и монографии, созданные авторами диссертационных исследований. Мы рассмотрели диссертации во всем многообразии их проблематики и репрезентации этой проблематики в пространстве отечественной науки, показали значение научного потенциала диссертаций как индикатора развития гуманитарных и общественных наук по определенной и актуальной проблематике.

Декларация о государственном суверенитете РСФСР, принятая 12 июня 1990 г. Первым съездом народных депутатов республики, положила начало восстановлению российской государственности на базе ценнейших завоеваний человечества: прав и свобод личности, демократии, правового государства, плюрализма, рыночной экономики и социального партнерства. Принятие декларации означало разрушение глухой стены, существовавшей между российской диаспорой и страной исхода – СССР. В оглашенном 25 декабря 1990 г. в пресс-центре Четвертого съезда народных депутатов СССР обращении Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина к соотечественникам за рубежом прозвучал призыв к воссоединению россиян с целью возрождения отечества, «возрождения всего лучшего, что было утрачено после Октября 1917 года… возрождения того, что делало Россию Россией» [1.1.1.14]. В обращении декларировалась открытость российского руководства контактам с зарубежными соотечественниками (что выразилось позднее, в частности, в учреждении при Верховном Совете России Комитета по связям с российским зарубежьем). Там же были сформулированы задачи по восстановлению утраченного в идеологической борьбе российского духовного наследия, по возвращению в Россию сокровищ отечественной

философии и науки, литературы и музыки, театра и кино, живописи и балета, реабилитации религии и церкви [1.1.1.14]. Реализация указанных целей была возведена в ранг государственной политики.

Если до 1991 г. процесс возвращения духовных ценностей российской эмиграции носил во многом случайный, стихийный и коммерческий характер, то теперь он стал осуществляться под покровительством Российского государства, стремившегося использовать интеллектуальный потенциал эмигрантов на благо своего возрождения. Но только благодаря усилиям ученых этот процесс получил аналитическое обеспечение, дающее важные для жизни общества результаты.

Распад Советского государства поставил новые задачи изучения истории российского зарубежья. На многих конференциях и «круглых столах» высказывались мнения, что исследование проблем истории российской эмиграции в старом зарубежье позволит уяснить механизм конфликтных ситуаций и будет способствовать их урегулированию в новом зарубежье, что изучение закономерностей адаптации эмигрантов к новым условиям жизни поможет прогнозированию поведения современных многочисленных мигрантов в России и за ее пределами [2.307, с. 217].

На этих форумах настойчиво подчеркивалась необходимость координации исследований [там же; 2.99, с. 102]. Это дало свой результат: за два десятилетия значительно расширилась география изучения российского зарубежья. В Москве и регионах проблемами российской эмиграции занимаются многие государственные и общественные образовательные, научно-исследовательские, архивные, историко-просветительские, информационно-культурные и религиозные организации: вузы, институты, библиотеки, фонды, музеи, центры, осуществляющие исследования и подготовку публикаций, проведение конференций, контакты с представителями и потомками российской эмиграции разных волн.

Объем и разнообразный характер исследований, осуществленных с 1990-х гг., значительную долю которых составляют диссертации, заставляют предполагать появление эмигрантоведения как нового направления в отечественной гуманитаристике. Постоянный рост диссертационного потока требует системного изучения, результаты которого позволят судить об эмигрантоведении в целом

(так как и монографии, и статьи, и другие виды публикаций часто необходимы авторам для получения допуска к защите диссертаций, с которой связано получение ученой степени доктора либо кандидата наук[1]). Изучение растущего потока исследований по данной тематике позволит выделить его основные тенденции, подвести итоги изучения отдельных проблем, наметить перспективы дальнейших исследований. Эти основные задачи составляют проблему, подлежащую рассмотрению в данной работе. Анализ диссертаций по теме «российская эмиграция», защищавшихся в РСФСР/РФ за 37 лет (1980–2016), включающих в себя советский и постсоветский периоды, другими авторами не предпринимался.

Объектом настоящего исследования являются диссертации и их авторефераты различных научных специальностей, посвященные проблеме изучения российской эмиграции и российского зарубежья (эти дефиниции раскрываются нами далее). Диссертации и их авторефераты рассматриваются в тесной связи с другими видами научных работ (книгами и статьями) эмигрантоведческого характера – как простые монодокументы[2], обладающие определенной структурой (титул и оборот титула как источники сведений об авторе, теме исследования, названии ученой степени, на соискание которой представлена диссертация, шифре и наименовании специальности в соответствии с номенклатурой специальностей научных работников, названии организации, где состоялась защита, месте и годе написания диссертации (выпуска автореферата); текст как законченное словесное произведение; система цитат и ссылок, несущих информацию о межтекстовых связях и источниковой базе работы; и др.). Каждый из представленных элементов требует специальных инструментов своего изучения.

---

[1] При этом необходимо учитывать, что признание этого факта имеет место в официальных документах Минобрнауки России, в частности, в проекте Концепции развития исследовательской и инновационной деятельности в российских вузах. В обширном обзоре, посвященном российской науке на рубеже XX–XXI вв. и профинансированном в рамках исследовательских программ ТАСИС и НАТО, вузовская наука не рассматривалась, поскольку считалось, что «ее вообще не существует» [1.2.1.2.53, p. 1105–1124].

[2] Под простым документом в документологии понимается отдельное завершенное произведение, целостность которого выражается общим содержанием (смыслом) и логикой изложения, зафиксированное на одной единице материального носителя. Монодокумент содержит одно произведение [2.118, с. 55–62].

В данной работе мы отталкивались от двуединого понимания термина «диссертация»: *диссертация* (от лат. dissertation – рассуждение, исследование) – научно-исследовательская работа, имеющая квалификационный характер, подготовленная для публичной защиты и получения ученой степени. Таким образом, в понятии «диссертация» содержатся два компонента: это одновременно и научная, и квалификационная работа, по результатам защиты которой присуждается ученая степень кандидата либо доктора наук. Эти обстоятельства были учтены нами в построении структуры исследования и выборе его методов. Иными словами, нами предложен алгоритм познания диссертации как формы научной работы и историографического феномена.

Основные требования к *автореферату диссертации* определены Положением о присуждении ученых степеней: «По диссертациям, принятым к защите, должен быть напечатан на правах рукописи автореферат… В автореферате диссертации излагаются основные идеи и выводы диссертации, показываются вклад автора в проведенное исследование, степень новизны и практическая значимость приведенных результатов исследований, содержатся сведения об организации, в которой выполнялась диссертация, об оппонентах и ведущей организации, о научных руководителях и научных консультантах соискателя ученой степени (при наличии), приводится список публикаций автора диссертации, в которых отражены основные научные результаты диссертации» (п. 25) [1.1.1.15]. Таким образом, автореферат является кратким изложением основных достижений автора в диссертационном исследовании. Автореферат диссертации печатается типографским способом или на множительных аппаратах [1.1.1.20]. В соответствии с требованием Высшей аттестационной комиссии РФ автореферат должен полностью отражать материалы и выводы диссертации, что подтверждается отзывами официальных оппонентов. (По этой причине мы посчитали излишним проводить сравнительный анализ диссертаций и их авторефератов, оказавшихся в кругу наших источников.)

У историографов не принято ссылаться на неопубликованные работы: диссертации и их авторефераты. Согласно неписаному правилу, во внимание принимаются в основном монографии. В связи с этим диссертации и их отпечатанные на

правах рукописи авторефераты редко включаются в историографические обзоры, а если включаются, то не выделяются в отдельную группу, не говоря о том, чтобы быть самостоятельным предметом изучения. Между тем, как справедливо подчеркивает доцент Московского городского университета управления правительства Москвы П. С. Романов, диссертации занимают особое место среди документов научного характера, поскольку содержат множество науковедческих, библиометрических, документоведческих сведений, дают представление о направлениях развития научной мысли, о темах, которые находятся в центре внимания [2.296, с. 116]. Эта мысль высказывается отдельными авторами в работах не только исследовательского, но и учебно-методического плана [2.134]. Однако статья П. С. Романова, посвященная анализу англоязычных диссертаций по библиотековедению (на основе электронной базы диссертаций 1903–2004 гг.) [2.296], обзоры докторских диссертаций по всеобщей истории, периодически публикуемые на страницах журнала «Новая и новейшая история» заместителем председателя экспертного совета по истории ВАК РФ проф. В. И. Уколовой [2.315–2.318], а также публикации челябинского историка Н. Н. Алеврас, о которых будет сказано далее, – едва ли не единственные известные нам исследования, в центре внимания авторов которых оказались исключительно диссертации[1]. Этот список можно дополнить работами, содержащими анализ диссертаций по тематике российского зарубежья. Начало подобных исследований было положено нашими публикациями в «Международном историческом журнале» [2.247–2.248], и в настоящее время они продолжены Е. В. Панковой [2.146]. Ею сделан библиометрический анализ диссертаций за 2001–2004 гг. в рамках предложенной нами методологии.

Предмет исследования – специфика отражения и изучения феномена эмиграции в диссертационных работах отечественных исследователей.

---

[1] В поисках подобного рода работ нами были просмотрены единый электронный каталог РГБ (URL: http://www.rsl.ru), единый электронный каталог Российской национальной библиотеки (URL: http://www.nlr.ru), сводный каталог библиотек России (URL: http://www.nilc.ru), иные ресурсы сети «Интернет».

Область исследования соответствует содержанию формулы и пунктов 2, 3, 5, 6 паспорта специальности ВАК РФ 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Цель исследования – выявление и анализ доминирующих тенденций развития отечественной науки по осмыслению проблем российской эмиграции, репрезентованных в диссертационных исследованиях.

Для осуществления данной цели были поставлены следующие **задачи:**

- определить и охарактеризовать политико-идеологические и организационно-научные факторы, оказавшие влияние на развитие в целом историографического процесса;
- раскрыть авторские взгляды на периодизацию эмиграции из России и внести уточнения в используемые эмигрантоведами дефиниции;
- представить исчерпывающую характеристику существующей историографии историографии российской эмиграции;
- выявить и проанализировать корпус информативных источников, отражающих историю российской эмиграции, использованных отечественными исследователями в советский и постсоветский период развития российской науки;
- разработать методику и определить возможности применения библиометрии в историографическом исследовании;
- определить динамику и доминирующие тенденции диссертационных исследований, посвященных феномену эмиграции;
- выявить научные центры и отечественные научные школы изучения российского зарубежья;
- установить специфику изучения основных волн эмиграции, представленных на страницах диссертаций;
- определить основную и переферийную проблематику диссертационных исследований, показать специфику изучения базовых сюжетов диссертаций и сопутствующих научных трудов по эмиграции в гуманитарном научном дискурсе

• сформулировать значение, проблемы и перспективы изучения феномена российской эмиграции в отечественной гуманитаристике.

О дефинициях. Несмотря на то что за два десятилетия интенсивных научных исследований наработан достаточно солидный «багаж», в историографии российской эмиграции нет единства в решении вопросов, представляющихся нам отправными и концептуально важными в разработке этой глобальной проблемы. К числу таковых относятся вопросы о дефинициях и периодизации.

Отсутствие согласия по поводу терминологии между учеными и публицистами можно прокомментировать, повторив известное суждение о том, что каждый термин «работает» только в системе понятий данного автора. Однако ситуация значительно усложняется, когда вопрос о дефинициях выносится на государственный уровень. К примеру, когда речь идет о принятии актов, имеющих обязательную силу: от вкладываемого в понятия смысла зависят понимание объекта и субъекта правового регулирования, сферы действия акта и т. д. Наличие четких дефиниций устраняет расхождения в толкованиях нормативных актов и, как следствие, служит условием их эффективной и четкой реализации правоприменительными органами, исключает разнобой в правоприменительной практике. Выделение различных категорий мигрантов предполагает различные механизмы работы с ними. Из этой дифференциации вытекает, к примеру, различие в сферах применения таких законов, как законы РФ «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах».

С момента принятия Конституции РФ 1993 г., заложившей фундамент нового Российского государства, было принято огромное число нормативных актов, использующих термин «соотечественники за рубежом», однако ни один из них содержание данного понятия не раскрывал. Лишь вступивший в силу 1 июня 1999 г. Федеральный закон «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» [1.1.1.6] внес ясность в этот вопрос. Однако приведенное в Законе определение понятия «соотечественники» не имеет под собой юридической основы (понятие «соотечественники за рубежом» отсутствует и в международном праве, и в национальных законодательствах других государств) и некорректно. Как следствие, в Законе нарушается важ-

нейший в международном праве принцип невмешательства во внутренние дела государств. Закон, ключевая дефиниция которого имеет объективистский подход, обязывает помогать и предоставлять льготы не только русским, живущим в республиках бывшего СССР, но и гражданам стран, которые когда-то входили в состав Российского государства, а также выходцам (эмигрантам) из Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имеющим гражданство иностранного государства, и их потомкам. Тем самым фактически любой эмигрант в десятом поколении может претендовать на статус соотечественника и получение соответствующего документа.

Кроме того, оказалось, что к принятому Закону никакого отношения не имела созданная Президентом Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом [1.1.1.16], подготовившая Концепцию государственной политики РФ в отношении соотечественников за рубежом. Тогда как, по логике, сначала должна была быть принята теоретическая концепция, а уже затем на ее основе выработан и принят Закон. Концепцию разрабатывал коллектив ученых под руководством В. А. Тишкова, директора Института этнологии и антропологии РАН, а подготовка Закона была прерогативой Комитета Госдумы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками. В результате отсутствия координации и невнимания законодателей к предложениям ученых в двух документах с одинаковым названием поразному определяется сам термин «соотечественник» и вообще используется разный понятийный аппарат. К примеру, в Концепции фигурирует термин «диаспора», которого нет в Законе [1.2.1.1.114].

Принятая Государственной думой РФ Декларация о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам – единственный утвержденный органом власти документ, где дается понятие российской диаспоры. В соответствии с ним (и такая трактовка представляется нам оправданной) Российская Федерация рассматривает в качестве российской диаспоры всех выходцев из Союза ССР и России и их потомков независимо от национальной и этнической принадлежности, языка, вероисповедания, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств, не являющихся гражданами Российской Федерации и при-

знающих свою духовную или культурно-этническую связь с Российской Федерацией или любым из субъектов Российской Федерации [1.1.1.1]. Как видим, в отличие от Закона о соотечественниках, здесь главное в принадлежности к российской диаспоре – не критерий этничности или вероисповедания, а критерий личностной идентификации. Такой подход учитывает и историческую ситуацию, на чем настаивает В. А. Тишков [1.2.1.2.42, с. 79]. Однако В. А. Тишков, считая, что отличительной чертой диаспоры является романтическая (ностальгическая) вера эмигрантов в родину предков как в подлинный, настоящий (идеальный) дом и место, куда они либо их потомки должны рано или поздно возвратиться, предлагает свое определение: диаспора – это культурно отличительная общность, сложившаяся на основе представления об общей родине и коллективной связи, солидарности и демонстрируемого отношения к родине [там же]. Для юристов и законодателей очевидно, что такое определение носит скорее культурологический характер и полностью лишено правового наполнения. Сказанное применимо и к термину «российское рассеяение», который часто используется в литературе как синоним российской диаспоре (слово «диаспора» происходит от греческого «diaspora» – рассеяние).

Изложенное свидетельствует о тесном переплетении научных проблем с актуальными проблемами современности и говорит о необходимости тесного сотрудничества ученых и заинтересованных ведомств и насущной потребности в выработке общих подходов к используемым учеными и законодателями понятиям.

Очень часто исследователи употребляют термины «российская эмиграция» и «русская эмиграция» в качестве синонимов [1.2.1.2.40; 1.2.1.1.169; 1.2.1.2.49]. Иногда русскими называют вторую и третью волны эмиграции, последовавшие из страны Советов после 1917 г. [1.2.1.1.92]. Вторая послеоктябрьская волна эмиграции отдельными авторами называется первой советской [1.2.1.2.47].

Часто в качестве синонимов ученые и публицисты необоснованно используют термины «русское зарубежье» и «российское зарубежье». Так, И. Л. Полотовская, определяя русское зарубежье как «социокультурный и геополитический фе-

номен эмиграции из послереволюционной России и вплоть до настоящего времени» [2.153, с. 108], тем самым подразумевает под датой зарождения этого явления 1917 г. и включает в это понятие все послеоктябрьские волны [там же, с. 109].

Между тем, как справедливо подчеркивает Г. Я. Тарле, от употребления терминов «русская» либо «российская» эмиграции в прямой зависимости находится определение численности эмигрантов. Одно дело – численность этнических русских, другое – всех выходцев из многонациональной России. Называя всю эмиграцию из России русской, исследователи истории эмиграции изображают ее как мононациональную [2.308, с. 58]. В связи с тем, что далеко не каждый представитель проживающих в России диаспоральных этносов согласится именоваться русским, непродуманное применение научных терминов может приобрести нежелательную политическую окраску [там же, с. 60].

В 1993 г. историком и этнографом В. А. Александровым было высказано мнение, что для России был бы полезен опыт США, где принадлежность к нации определяется только по признаку гражданства [1.2.1.2.2]. Таким образом, всех жителей России было бы уместно именовать россиянами, в том числе и бывших выходцев из нашей страны, находящихся в эмиграции [2.308, с. 60].

Следует заметить, что на долю этнических русских, оставивших Россию до 1917 г., приходилось немногим более 4% от общего числа выехавших [1.2.1.2.34, с. 86]. Среди 270 тыс. т. н. перемещенных лиц, не вернувшихся в СССР после Второй мировой войны, русских было около половины. В 1960–1980-е гг. из Советского Союза выезжали преимущественно евреи, немцы, греки, армяне, а русские чаще всего покидали страну в браках с представителями названных национальностей [1.2.1.2.7, с. 62; 1.2.1.3.138, с. 5]. Согласно официальным статистическим данным, русские не составляли большинства и среди выбывших из России в зарубежные страны (за исключением стран СНГ и Балтии) в 1990-е и 2000-е гг.; правда, доля их в эмиграционном потоке с незначительными колебаниями росла: от 21,7% в 1992 г. до 45,6% в 2004 г. [1.1.3.1, с. 12; 1.1.3.4, с. 88; 1.1.3.5, с. 94; 1.1.3.6, с. 92; 1.1.3.7, с. 92; 1.1.3.8, с. 74–75; 1.1.3.9, с. 91–92; 1.1.3.10, с. 101–102; 1.1.3.11, с. 104–105; 1.1.3.12, с. 95–96; 1.1.3.13, с. 84–85; 1.1.3.14, с. 96–97; 1.1.3.15, с. 94–95; 1.1.3.16, с.

97–98]. (Согласно Административному регламенту предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по регистрационному учету граждан РФ по месту пребывания и по месту жительства в пределах РФ с 2008 г. в листках статистического учета выбытий отсутствует вопрос о национальной принадлежности мигрантов; соответственно, статистический учет выезжающих по национальному признаку не ведется.) Итак, этнически русским по составу был лишь поток первой послеоктябрьской волны эмиграции, поэтому говорить о русской эмиграции, русском зарубежье можно лишь применительно к нему. Называя послеоктябрьское рассеяние «русским зарубежьем», исследователи тем самым подчеркивают не столько географическую, сколько духовную природу этого феномена, не имевшего прецедента в истории [1.2.2.1.284, с. 126]. В остальных случаях правильнее оперировать термином «российская эмиграция», так как это понятие объединяет всех подданных (граждан) России, покинувших свою родину, вне зависимости от национальности. Использование двух разных терминов: «русское зарубежье» и «российское зарубежье», – может считаться оправданным и в целях подчеркивания глубоких качественных отличий сообщества изгнанников, порожденного Октябрем, от эмиграции всех иных волн.

Нами термином «*российская эмиграция*» обозначаются все оставившие страну подданные и граждане Российского государства, в разные периоды его истории (Российская империя, РСФСР, Союз ССР, Российская Федерация) уехавшие за рубеж на постоянное жительство либо оказавшиеся за пределами родины по политическим, экономическим и другим причинам на более или менее длительный срок. В трактовке термина «*российское зарубежье*» мы солидарны с К. А. Мазиным [2.121, с. 89] и подразумеваем всю совокупность деятельности и пребывания наших соотечественников за рубежом. Таким образом, термин «российское зарубежье» шире понятий «русская» и «российская эмиграция». Объединяя их, он предполагает изучение не только эмиграционных процессов, что позволяет существенно увеличить формат исследований. Мы считаем этот термин универсальным.

В связи с тем что Совет Европы, членом которого Россия является с 1996 г., не рекомендовал использовать термины «ближнее и дальнее зарубежье», так как, по мнению этой организации, их употребление свидетельствовало бы о том, что мы ставим страны в неравное положение, в настоящей работе используются термины «старое» и «новое» зарубежья.

Периодизации до- и послеоктябрьской эмиграции из России. Согласно одному из определений, термин «эмиграция» означает добровольное или вынужденное переселение из какой-либо страны в другую, вызываемое различными причинами. Возобновляемость эмиграции на разных этапах развития нашего общества позволяет говорить о ней как феномене, обладающем собственной природой, ее закономерностях и периодичности.

Период времени, в течение которого определенный поток эмиграции начинается, развивается и заканчивается, в историографии принято называть волной. Таким образом, период или волна, по определению, свидетельствует о законченном процессе. Периодизация как деление процессов развития эмиграции на основные, качественно отличающиеся друг от друга, этапы позволяет не только глубже познать сам этот феномен, но и, вскрыв порождающие его причины, лучше и всестороннее изучить соответствующие ему периоды эволюции общества и государства.

Волны эмиграции можно назвать системообразующим историографическим фактором. Именно эмиграционные волны есть то, что исследуется российскими и зарубежными учеными как основной хронотипический объект.

На вопрос о хронологических рамках той или иной волны эмиграции можно ответить, только определившись с датой отсчета российской эмиграции как исторического явления.

До рубежа XX–XXI вв. большинство исследователей и публицистов вели отсчет волн эмиграции с Октября 1917 г. Очевидно, на жесткую «привязку» большинством историков датировки волн эмиграции к Октябрьской революции повлияло то, что советскими историографами вся история Отечества была поделена на два периода, разделенных этой датой. История с 1917 г. по 1991 г. была для советских историков (что, впрочем, верно с правовой точки зрения) историей другого

государства – государства под названием СССР на территории России. Основным фактором, побуждающим к изучению эмиграции первой послеоктябрьской волны, выступал тезис «врага надо знать в лицо», поэтому основное внимание уделялось политической эмиграции и ее антибольшевистской деятельности [1.2.1.1.64, с. 45–74].

Сегодня мотивацией к изучению эмиграции первой послеоктябрьской волны для большинства выступает колоссальность ее культурного наследия, прежде всего «словесного», значительно превосходящего вклад в культуру других постреволюционных волн. На это обращает внимание в своей статье И. Л. Полотовская [2.153, с. 109].

Тот факт, что в подавляющем числе работ по истории российской эмиграции речь идет о ее первой послеоктябрьской волне, Е. М. Макаренкова, например, объясняет особым размахом «русского исхода» в пос-лереволюционные годы, а также цензурным «вето», наложенным на тему эмиграции из Советской России в последующий период [1.2.1.3.81, с. 14]. Если с последним аргументом можно легко согласиться (исследование феномена эмиграции из Советской России неизбежно вскрыло бы политические, экономические и другие причины, вызывавшие этот процесс, и тем самым обнажило бы недостатки советского строя), то первый аргумент (массовый характер) может быть поставлен под сомнение даже и на основе данных, приводимых самой Е. М. Макаренковой. Так, она пишет, что «русский исход» набирал силу задолго до переворота 1917 г. С 1888 г. до начала Первой мировой войны из России выехали примерно 4 млн чел. [там же], абсолютное большинство которых направились в США [1.2.1.2.7, с. 55; 1.1.7.3; 1.2.1.2.34, с. 86]. Для сравнения: после 1917 г. и до начала Второй мировой войны из России и тех регионов бывшей Российской империи, которые не вошли в состав СССР, выехали примерно 2,25 млн чел. [1.2.1.2.7, с. 61].

В 1990-е гг. вопрос о периодизации многими исследователями решался по-разному [1.2.1.2.4, с. 70; 1.1.7.1; 2.156, с. 13; 1.2.1.2.39, с. 54–64; 1.1.7.6; 2.307, с. 217].

В 1999 г. Ю. А. Поляковым была разработана схема, в соответствии с которой выделяются пять периодов истории российской эмиграции. К четырем традиционно выделяемым волнам XX в. добавлена еще одна, которую предложено считать первой: как раз это годы массовой трудовой (крестьянской) эмиграции из бедных западных губерний Российской империи конца XIX – начала XX в. [2.158, с. 46]. Такая периодизация встретила поддержку других исследователей [2.302, с. 198; 2.308, 62; 2.310, с. 37]. С целью исключить неразбериху при обращении к нумерации волн эмиграции, отсчитываемых с 1917 г., было рекомендовано каждый раз сопровождать номер той или иной послеоктябрьской волны указанием «постреволюционная» [2.308, с. 64; 2.310, с. 37].

Однако даже с учетом слабого развития миграционных процессов в России в первой половине XIX в. и того, что, по существу, право на эмиграцию было предоставлено царской властью лишь в 1905 г., было бы ошибкой предположить, что ранее рубежа XIX–XX вв. эмиграции из России не существовало.

Среди исследователей, отмечающих, что эмиграция из России началась задолго до 1917 г., нет единого мнения о том, какую дату следует избрать в качестве начальной точки истории российской эмиграции как массового явления. Одни настаивают на XVIII в., мотивируя это тем, что до этого времени эмиграция русских носила единичный характер [1.2.1.3.138, с. 6], другие с той же мотивировкой отстаивают середину XIX в. [2.308, с. 65], третьи категоричны в выборе XVI в. [1.2.1.3.13, с. 18]. В любом случае следует согласиться с А. В. Квакиным и Е. М. Макаренковой [2.106, с. 26; 1.2.1.3.81, с. 14], которые утверждают, что взгляд на российскую эмиграцию в более отдаленной от событий XX в. ретроспективе дает возможность увидеть некую общенациональную специфику этого явления, а потому традиционные хронологические рамки исследования указанного феномена нуждаются в расширении.

Как одну из немногочисленных пока попыток такой ретроспекции, позволяющей проследить процессы эмиграции из российского (советского) государства в динамике, увидеть их на протяжении многих веков, выявить определенные закономерности этого явления, следует расценить статью С. И. Брука [1.2.1.2.7, с. 53–

65]. Автор подробно останавливается на количественных параметрах российской эмиграции, основных районах выбытия и вселения, этнической структуре эмиграционных потоков, указывает причины последних. В целом из работ С. И. Брука, а также В. Кабузана, К. А. Мазина, Е. Рихтера явствует (и эта точка зрения разделяется нами), что отсчет истории российской эмиграции, в строгом смысле этого слова, необходимо вести с конца XVII в. (старообрядцы, уехавшие за рубеж от преследований православной церкви и притеснения царских властей) [там же; 1.2.1.1.61; 1.2.1.1.123; 1.2.2.1.234]. (Анализ миграционных процессов в России в период, начиная с возникновения Древнерусского государства – Киевской Руси (IX в. н. э.) и до начала XX в. дается также в книге В. А. Ионцева, Н. М. Лебедевой, М. В. Назарова и А. В. Окорокова «Эмиграция и репатриация в России» [1.2.1.1.184].) Точные данные о численности первой дореволюционной волны в известной нам литературе отсутствуют, однако однозначно указывается, что случаи бегства за рубеж носили не единичный характер: счет шел на тысячи.

С конца XVIII в. усилился отток за границу представителей отдельных этносов, национальные и культурные интересы и устремления которых ущемлялись царскими властями (крымские татары, ногайцы, поляки, народности Кавказа) [1.2.1.2.7, с. 54]. Эту миграцию можно расценивать как вторую дореволюционную эмиграционную волну.

Первая половина XIX в. отличалась сравнительно слабым развитием миграционных процессов. Эмиграции населения до 1830-х гг. почти не происходило. С 1830-го по 1861 г. число покинувших Россию превысило 220 тыс. чел. Эти годы стали вторым исходом крымских татар, ногайцев и поляков [там же] – третьей дореволюционной волной эмиграции из России.

Отмена крепостного права резко увеличила подвижность российского населения. С. И. Брук приводит данные о том, что, хотя еврейская эмиграция была разрешена властью только в 1880-м, в пореформенные два десятилетия (1861 г. – 1880-е гг.) евреи наряду с поляками и немцами составляли костяк 575-тысячной российской эмиграции [там же, с. 55]. Выезжали они преимущественно в страны

Европы, а также в США, Бразилию и Канаду. С тех пор (в особенности после еврейских погромов начала 1880-х гг. и принятия в 1882 г. законов о выселении евреев из крупных городов и лишения их ряда гражданских прав, предоставленных им при Александре II) и до начала Первой мировой войны эмиграция из Российской империи лишь возрастала [там же; 1.2.1.2.34, с. 86]. Однако отправлялись теперь выбывшие главным образом уже в Новый Свет, в основном в США. Эмиграцию в пореформенные годы до начала войны в Европе представляется нам оправданным считать одной эмиграционной волной – четвертой дореволюционной в истории России.

Итак, в истории дореволюционной России имеется минимум четыре периода, когда переселение за рубеж было достаточным массовым.

Миграционные процессы после 1917 г. изучены значительно лучше. Вместе с тем у исследователей нет единого мнения в отношении временных границ первой послереволюционной волны эмиграции. Как уже было сказано, большинство авторов ведут отсчет с Октября 1917 г., несмотря на то что эмиграция началась сразу после Февральской революции, хотя до Октября она была весьма незначительна [1.2.1.1.64, с. 45]. Некоторые авторы (Д. В. Мышалова, М. И. Раев [1.2.1.1.92, с. 5; 1.2.1.1.121, с. 16, 29]) связывают возникновение миграционных потоков с поражением белых армий в 1920–1922 гг. В качестве верхней (конечной) границы первой послеоктябрьской волны О. И. Митяева называет 1925 г. [1.2.1.3.88, с. 21]. Однако, исходя из того, что само слово «волна» по определению включает в себя процесс затухания (а отдельные случаи «побегов» из России были и до начала Второй мировой войны [1.2.1.1.121, с. 16]), и учитывая логику периодизации как научной операции, следует более правильной признать точку зрения Н. С. Фрейнкман-Хрусталевой и А. И. Новикова, согласно которой первая послеоктябрьская волна эмиграции сошла на нет в 1940-х гг. [1.2.1.1.169, с. 96]. Но и указанная позиция нуждается в корректировке. Это обусловлено тем, что, опять же традиционно, в качестве основных фигурантов второй послеоктябрьской волны эмиграции рассматриваются т. н. перемещенные лица, появление которых стало возможным лишь в результате

оккупации Германией части территории СССР в 1941 г. Отсюда и дата «1940-е гг.».

При этом забывается, что в соответствии с серией договоров между СССР и Германией, заключенных в 1939 г., значительная часть немецкого населения выехала из СССР (в границах, образовавшихся с присоединением к СССР ряда территорий в 1939–1940 гг.). Затем усилился отъезд в Германию немцев – граждан СССР в ходе всеобщего отступления гитлеровских войск с территории Советского Союза в 1943–1944-гг. В 1939–1944 гг. из СССР выехало более 600 тыс. этнических немцев. Всего в 1939–1946 гг. из Советского Союза уехало свыше 1,75 млн немцев. После советско-финляндской войны 1939–1940 гг. из отошедшей к СССР (РСФСР) Выборгской области в Финляндию переселились 424 тыс. финнов.

Особенно массовым оказался отъезд поляков в Польшу из западных районов СССР (Западной Украины, Западной Белоруссии, бывшей Виленской области). Он практически не коснулся только польского населения Латвии и различных регионов СССР в границах до 1 января 1939 г. В 1945–1946 гг. из СССР выехали 1526 тыс. чел., в том числе из Западной Украины – 810 тыс., Западной Белоруссии – 247 тыс., из Литвы – 178 тыс. чел. В 1955–1958 гг. из Украины и Белоруссии в Польшу выехали 217 тыс. поляков. На территории бывшей Галиции (нынешние Львовская, Тернопольская, Ивано-Франковская области) поляков почти не осталось, тогда как в 1930-е гг. их удельный вес приближался к 40 %, а в отдельных районах Львовской и Тернопольской областей они составляли абсолютное большинство жителей [1.2.1.2.7, с. 61].

Это был крупнейший миграционный поток с территории СССР. Только в результате этой эмиграции (именно эмиграции) город Львов превратился в этническом отношении из польского в украинский, а Вильнюс – в литовский.

По данным С. И. Брука, в конце 1930 – начале 1950-х гг. из СССР эмигрировали более 5,5 млн чел., включая 270 тыс. т. н. перемещенных лиц. Подавляющее большинство эмигрировавших жили на территориях, присоединенных к СССР после 1939 г. Что касается населения, жившего в старых границах, то уехало не более 10 % от указанного числа [там же]. Тем не менее даже последнее число в два раза

больше числа перемещенных лиц, которые, как считается, образовали второй после Октября 1917 г. поток российской эмиграции.

Вторая послеоктябрьская волна эмиграции, начавшаяся в конце 1930-х гг. и обусловленная преимущественно событиями Второй мировой войны, иссякла к концу 1950-х гг. В эти годы завершились миграционные процессы, начало которым было положено в 1939 г.

Третья послеоктябрьская волна эмиграции «родилась и выросла» в эпоху «оттепели» [1.2.1.1.92, с. 19], однако некоторые исследователи увязывают ее с насильственным лишением гражданства и диссидентством, что неизбежно ведет к выделению периода 1970-е гг. – 1985 г. (годы «застоя» – начало политических преобразований в СССР) как временных рамок третьей послеоктябрьской волны [1.2.1.1.121, с. 16; 1.2.1.3.138, с. 5; 1.2.1.1.169, с. 106]. Однако круг оставивших родину в годы «застоя» диссидентов весьма малочислен: с 1966-го по 1988 г. за действия, «порочащие высокое звание гражданина СССР и наносящие ущерб престижу или государственной безопасности СССР», были лишены советского гражданства только 175 чел., из них около 100 – инакомыслящие [1.2.1.1.156, с. 128]. Но ведь уезжали не только диссиденты. Как и во все времена, желающие покинуть свою страну руководствовались прежде всего множеством частных субъективных причин, которые, однако, для самих эмигрантов являлись не столь уж и незначительными. Кроме того, никто из известных нам исследователей, за исключением С. И. Брука, не уделил должного внимания этническому составу третьей послеоктябрьской волны эмиграции. Между тем уже одно это выявляет совсем иные ее причины.

На самом деле эмиграция из СССР в Соединенные Штаты, Израиль, Германию, Грецию и некоторые другие страны (уезжали в основном евреи, немцы, греки и армяне) отмечалась с 1960-х, а не с 1970-х гг. [1.2.1.2.7, с. 62]. Особенно она стала возрастать с 1974 г., когда Конгресс США принял закон, благоприятствовавший политическим беженцам из Советского Союза. В результате запретительных мер советского руководства в первой половине 1980-х гг. произошел вынужденный,

искусственно созданный, спад этого потока, поэтому дата 1985 г. имеет совсем другое объяснение, нежели то, о котором шла речь выше. С ухудшением после 1988 г. социально-экономической обстановки в стране (рост социальной несправедливости, падение уровня жизни), нарастанием межнациональных конфликтов эмиграционные тенденции снова усилились. В связи с этим принято выделять уже четвертую волну послеоктябрьской эмиграции – экономическую. Между тем после 1985 г. этнический состав отъезжающих не изменился [1.1.3.1, с. 12; 1.1.3.4, с. 88; 1.1.3.5, с. 94; 1.1.3.6, с. 92; 1.1.3.7, с. 92; 1.1.3.8, с. 74–75; 1.1.3.9, с. 91–92; 1.1.3.10, с. 101–102; 1.1.3.11, с. 104–105; 1.1.3.12, с. 95–96; 1.1.3.13, с. 84–85; 1.1.3.14, с. 96–97; 1.1.3.15, с. 94–95; 1.1.3.16, с. 97–98]. Не изменились и направления эмиграционного потока: на протяжении десятилетий первое место по числу иммигрантов из России прочно удерживает Германия, второе место в 1980–1990-х гг. оставалось за Израилем, а третье – за США, однако в 2000-х гг. Израиль и США поменялись местами. Остались неизменными с 1960-х гг. и главные причины эмиграции: неудовлетворенность советских (российских) евреев своим положением; попустительство властей к имевшим место антисемитским кампаниям (не следует забывать и о множестве межнациональных конфликтов на бытовом уровне); нерешенность проблемы обеспечения прав российских немцев, в первую очередь восстановления национальной автономии в Поволжье, а также действие в ФРГ и Израиле законов, открывающих «двери» этих стран для соответственно немецких и еврейских переселенцев из СССР/стран бывшего СССР. Таким образом, если не принимать во внимание малочисленные случаи вынужденной эмиграции по причине лишения диссидентов гражданства, качественные отличия между эмиграцией 1960–1980-х гг. и конца 1980–1990-х гг. найти трудно. А стало быть, нет оснований для их разделения на два принципиально отличных друг от друга потока (волны).

В качестве причин, ставших основой эмиграции конца 1980–1990-х гг., исследователи называют поиск возможностей свободного приложения сил и способностей, более высокой оплаты труда, оптимальных условий для научно-технического творчества [1.2.1.1.169, с. 106]. Однако и эти причины существовали много

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru